



А. СЕНИН

Григорий Распутин¹

[I]

Знаю я этого «блаженного старца» Григория Распутина, лично знаком с ним, бывал несколько раз в его доме, знаю его семью, беседовал с ним, давно интересуюсь им, как интересовались им и все те, кому приходилось соприкасаться с ним. Эта таинственная личность давно привлекала мое внимание, давно уже хотелось мне высказаться о нем. Теперь о нем заговорили во всей печати, и мне хотелось бы в свою очередь поделиться своими личными впечатлениями и сведениями, стараясь быть при этом вполне объективным.

Прежде всего, — Григорий — не старец, ему не больше 45–48 лет, он крепок и здоров, как дай Бог всякому; его «старческий» облик

¹ Печатается по: Южная заря. 30 мая 1910 г. № 1205. С. 2–3. Настоящая статья также была опубликована (с минимальными изменениями и дополнениями) в газете «Речь» два года спустя (см.: Сенин А. Григорий Распутин. (Из сибирских воспоминаний) // Речь. 1912. 16 (29) февраля. № 45 (1999). Четверг. С. 2 (части I и II); То же // Там же. 18 февраля (2 марта). № 47 (2001). Суббота. С. 3 (части III и IV); То же // Там же. 19 февраля (3 марта). № 48 (2002). Воскресенье. С. 3 (части V и VI — неверно указаны: «IV» и «V»). Отличается только вступление к статье, специально выделенное курсивом. В «Речи» вступление иное: *«Всеобщее внимание, какое привлекает к себе личность Григория Распутина, та таинственная роль, какую он играет, оказывают, без сомнения, большое влияние на некоторые стороны жизни, что и заставляет меня поделиться с читателями теми данными, которые, благодаря случайности, имеются в моем распоряжении. Часть из них была мною напечатана в екатеринославской газете «Южная Заря» в 1910 г., но осталась почти незамеченною. В настоящее время я постараюсь возможно подробно восстановить свои воспоминания, непосредственно связанные с личностью Григория Распутина»* (курсив мой. — Сост.).

обуславливается несуразной растительностью на голове и лице, что старит на несколько десятков лет не только Григория, но и всякого «челдона»* (курсив мой. — Сост.).

В 1907 г. забросила меня судьба в с. Покровское, что в 80 верстах от Тюмени по направлению к Тобольску. Большое, богатое село... Населено зажиточными челдонами-земледельцами. Есть и интеллигенция: две учительницы, двое батюшек, фельдшер, есть церковь, школа, есть «этапка» на краю села. Нанял я квартиру у зажиточного мужика Степана Кондратьевича Алемасова. Степенный, рассудительный челдон. И чуть не с первых же слов заявил мне, что вот так-то и так, проявился у них в селе «святой», был простой, никчемный мужичонко, а теперь поди-ка: разбогател, в Питере живет и каждое лето разные генеральши да княгини в гости к нему ездят.

— Наденет Григорий свои старые пимы, холщевую рубаху и портки, и шествует вдоль села. А расфранченные столичные дамы в шляпках, в шелковых платьях под руки его ведут, в глаза засматривают, «святым отцом» называют.

— Лешака, а не святой! — ... Гришка-велтун, вор! — вскипятилась старушка, — сестра хозяина: — хоть и племянник мне родной, а прямо скажу — паскудник, и никогда я в него не поверю: разве святые-то, прости меня, Господи, (тут старушка набожно с еле заметной и хитрой улыбкой заметила) с бабами спасались...

— Ну, ты, бабушка, того... — добродушно и лукаво подмигнул хозяин: — была бы помоложе, так и сама уверовала...

— Кто?.. Я?.. Язва те на язык-то... В роду у нас таких то не бывало... Святой, святой... Какой же святой, коли бабы под руки водят?..

Вполне понятно, что я крайне заинтересовался... Но как быть? Как познакомиться с этим субъектом?

В качестве политического, которых, как известно, новоявленные «святые» побаиваются и не особенно долюбливают, мне это сделать было не легко. Притворяться и лицемерить не было охоты, а между тем интерес к «святому» все рос и рос: не проходило дня и даже часа, чтобы кто-либо не заговаривал о нем.

Стал я рассматривать, наблюдать со стороны и удалось выяснить следующее: Григорий Ефимович Распутин — самый заурядный крестьянин с. Покровского. Есть у него старик-отец, здоровый еще, работающий и юркий старичишка. Есть жена, мальчик лет 12, две девочки. Жил

* Челдонами называются крестьяне Западной Сибири, давным-давно здесь поселившиеся и имеющие прочное хозяйство.

раньше Григорий в небольшом домике на краю села, имел ветряную мельницу, перед которой теперь собственноручно срублено им нечто вроде маленькой часовенки с большим крестом, имел наделы, пахал землю, сеял, косил и ничем не выдавался из среды своих односельчан, кроме отрицательных качеств.

«Вытун» [sic!], а то «Гришка-вор» звали его за глаза. Сено украсть, чужие дрова увезти — было его дело.

Шибко дебоширил и кутил раньше Григорий; сколько раз бивали его, выталкивали в шею как надоедливого пьянчугу, ругавшегося отборными словами. Поедет, бывало, Григорий с хлебом, либо с сеном в Тюмень, воротится домой — ни денег, ни товару, все прокутил. А старик-то отец самых лучших лошадей в околотке имел. И случилось так, что Григорий и лошадей прокучивал и приезжал домой на трехрублевой кляче.

Жил, таким образом, Григорий до 30 лет, а потом вдруг резко и бесповоротно изменил свое поведение: сделался чрезвычайно набожен, кроток, воздержан, совершенно бросил пить и курить, пошел по монастырям...

Внешним поводом к тому послужила, как рассказывают, поездка его в Тюмень, куда он отвозил студента Духовной академии, монаха Мелетия Заборовского, который был раньше преподавателем Томской духовной семинарии, а ныне состоит ректором ее.

Возвратился Григорий из монастыря совершенно иным: насколько он раньше был безалаберен, настолько теперь стал тих, уступчив и скромн.

В рабочее время он по-прежнему жал, косил, исполнял все крестьянские работы наравне с женой и отцом-стариком, а как только кончалось время полевых работ, он брал палку, одевался странником и ходил в монастырь.

Был он в Абалаках около Тобольска, в Верхотурье, в Сарове, в Одессе, в Казани, в Москве, в Петербурге и т. д.

С тех же пор он и дома стал богомолен: постоянно и неукоснительно раньше священнослужителей является в храм Божий, встает на клирос и молится. Быстро-быстро и истово крестится, резко взмахивает головой, бьет лбом в землю; лицо и губы его при этом искривляются, зубы оскаливаются, как будто он дразнит при этом кого-то невидимого и хочет укусить, жестикулирует руками, вертит головой во все стороны, оглядывается при поклоне на молящихся и вращает глазами, как безумный.

Стал говорить Григорий отрывочными фразами, загадочно, стал претендовать на пророчества и предсказания, и когда его о чем-либо

спрашивали, он подолгу не отвечал, сильно и напряженно о чем-то задумавшись, а потом спохватывается, точно спросонья и говорит несколько отрывочных, загадочных фраз.

Эксцентричность поведения и юродство Григория привлекли к нему мало-помалу внимание местного населения: мужики ругали Григория и смеялись над его «дурачествами», а женщины начали «верить» и захаживать к нему за советами. Прежде всего обратились к нему невежественные полуинтеллигентные обитательницы села — жена фельдшера, дочь почтового чиновника и другие.

И случилось так, что Григорий «угадывал», что они думали и что гложет их сердце. Понеслась слава, что Григорий прорицает и «угадывает». И слава эта стала распространяться не в самом селе Покровском, а в окрестностях. Довольно хорошо помнили «вытула» односельчане, чтобы «уверовать» в него, и называли его в насмешку «святым».

Святой да святой... и это довольно прочно установилось за Григорием в его родном селе и окрестностях.

А Григорий между тем твердо и неуклонно вел свою линию. Часто он удалялся в лес, устраивал там кресты, навешивал их на деревья и молился. Иногда он это делал один, иногда «с сестрами», о которых будет речь впереди. И многие, как передают, видели, как в промежутках между богомолением и навешиванием крестов Григорий целовался с этими сестрами.

В своем собственном дворе, в хлеву, выкопал Григорий яму, установил ее иконами, увешал лампадами, украсил цветами и удалялся туда по ночам молиться.

«Там долго я боролся с дьяволом, — говорил потом Григорий, — и победил его».

Стали появляться у Григория и «братья», и «сестры», которые уверовали в него.

Братьев было мало. Это — Илья Арапов, крестьянин с. Покровского, крестник Григория, Николай Распутин — двоюродный брат его, тоже крестьянин с. Покровского, и Николай Распопов — крестьянин дер. Подбульги, соседней с Покровским. Все трое люди трезвые, религиозные и трудолюбивые. Раньше выпивали и песни мирские певали, а как уверовали в Григория, все бросили. Живут зажиточно, мирно и с помощью Григория построили себе новые хорошие дома.

Все «сестры», а их в разное время было немало у Григория — девицы, дочери зажиточных родителей. Намеривались они для спасения души в монастырь идти, да останавливались у Григория. Тут и «спасаются». Работают по полевому и домашнему хозяйству, ведут себя скромно и тихо, платочки на голове повязывают, точно монашенки,

низко кланяются, неукоснительно посещают службы церковные и обращаются с посторонними смиренно, по монастырски. Слушаются они Григория и подчиняются ему беспрекословно, с благоговением и, видимо, с большой охотой. И одна только особенность неприятно бросается в глаза: все эти «сестры» — молоденькие девушки, выглядят бледными, испитыми, а приходят для спасения свежими, здоровыми. Тогда их у него было пять или шесть. Родом они из Тобольского уезда и живут у Григория с согласия родителей. Одну звали Катей, другую — Дуней, третью — Еленой.

Жила у него несколько лет тому назад одна девица из дер. Дубровной Тюменского у., Александра Дубровина, дочь зажиточных родителей; здоровая была девушка, веселая, а потом пошла с Григорием в Киев на богомолье и воротилась оттуда чахлая, больная и снова пошла жить к Григорию. Удерживала ее мать дома, а жена Григория прямо гнала от своего мужа, но Александра отвечала: «Жить без него не могу». Вскоре совершенно зачахла и умерла. Говорят, что сильно мучил ее Григорий, когда был с нею в Киеве, издевался над нею.

Поступила на житье к Григорию другая сестра Дубровина — младшая. И с той приключилось то же самое: начала бледнеть, чахнуть, переселилась жить к родителям и весной 1908 г. умерла. И народная молва в смерти их винит Григория. Какие тут причины действовали и насколько это правда, не знаю, но мне лично приходилось слышать страстные ругательства местных крестьян по адресу Распутина, из-за которого, рассказывали, погибли эти девушки.

Говорили также, что некоторые «сестры» ушли от Григория, забеременев, но насколько это правда — не знаю...

Таковы данные, что удалось почерпнуть мне отчасти из личных наблюдений, отчасти из рассказов о «святом» его односельчан, а больше всего от местной полуинтеллигенции: Григорий успел купить уже ее расположение к себе подарочками, угощением и был принят в «общество». Здесь даже заочно не всегда называли его «святым» или Гришухой, а величали Григорием Ефимовичем.

А так как Григорий Ефимович и все его семейные были люди темные, то естественно, что все письма, телеграммы к нему и от него, когда он был в отлучке или дома, читали и писали ему и его семейным люди посторонние, которые никакого секрета из этого не делали и всякая новость по отношению к Григорию Распутину делалась достоянием всего села.

А «новости» были одна другой пикантнее, одна другой забористее, содержание писем и телеграмм было иногда до того невероятное, что просто не верилось, невозможно было поверить, если бы... не факты.

Григорий Ефимович (так мы теперь будем называть его) ко времени моего приезда в Покровское уже «вошел в силу». Жил он теперь в Петербурге, был знаком не только с знатными, но и с самыми высокопоставленными лицами и только временами наезжал в Покровское. И сам о своих высоких знакомствах всем своим знакомым рассказывал, и рассказы его письмами и телеграммами подтверждались.

Получал он их и от архиереев, и от академиков, и от игуменов и архимандритов, получал от разных генералов от великих князей и даже от П. А. Столыпина, а больше всего от дам.

И почти во всех этих письмах были приписки: «Святой отец, помолись за нас...», а то еще с добавлением: «Целую ваши ручки и ножки»...

Весьма понятно, с каким нетерпением я ожидал увидеть «святого отца».

II

Вошел Григорий в силу, как единодушно утверждает местная молва, года 3–4 тому назад, т.е. в 1903–4 гг. после знакомства с купчихой-миллионершей Башмаковой из села Реполова, на р[еке] Иртыше, Тобольского уезда. Громадный деревянный дом ее и теперь еще красуется в с[еле] Реполове и был отдан ею в 1906 г. для временного пользования политическим ссыльным.

Григорий ходил молиться Богу в Абалаки (монастырь около Тобольска) и где-то на постоялом дворе встретился с Башмаковой, которая недавно похоронила своего мужа и сильно горевала. Григорий юродствовал тогда и каким-то образом утешил Башмакову. Стала она заезжать после того к Григорию Распутину и увозить его с собою. Привезла она Григория в Казань, познакомила здесь с именитыми купцами и прочими благочестивыми людьми. Отсюда будто бы и началось «возвышение» Григория.

По другой версии — повезла его Башмакова прямо в Петербург. Там, в ее номере, сделал ей визит ее близкий знакомый Иоанн Кронштадтский, которому так понравился Григорий Распутин, что о[тец] Иоанн расцеловал его и тут же назвал своей правой рукой. Насколько верно это — не знаю, но связь Григория Распутина с о[тцом] Иоанном Кронштадтским несомненна и в конце рассказа будет подтверждена. И я имею основание предполагать, что вторая версия служит лишь продолжением первой, и обе они приблизительно правдивы. В 1905 г. в октябре месяце Григорий Распутин был, как он сам передавал мне, в Казани и крайне возмущался тем, что какие-то ученицы щеголяют с саблями, точно городовые.

Летом 1906 г. Распутин приехал домой с большими деньгами и купил, не торгуясь, прекрасный новый дом на главной улице Покровского за 1700 р. Он отремонтировал его, разукрасил, точно игрушечку, прекрасно меблировал, заново устроил все домашние пристройки и изъявлял намерение купить пианино для гостей.

Вообще, побывав в Петербурге, Григорий в расходах не стеснялся. Одарил всю местную полуинтеллигенцию: писаря, писариху, батюшек, матушек и проч. сельскую знать. Завел знакомство с богатеями, радушно сам принимал гостей и сам в гости ходил, только ничего спиртного в рот не брал и других у себя спиртными напитками не баловал.

И не один Григорий Ефимович приехал на этот раз, а с гостями: с ним была «водяная генеральша», как ее называли крестьяне, Ольга Владимировна Лохтина, дама лет 40, с молоденькой воспитанницей немкой и Хиония Берладская, вдова инженера, с мальчиком, проживающие в Петербурге.

Целое лето гостили они у Григория тихо, смиренно и никаких толков не возбуждали. Делали визиты батюшкам, прочей деревенской знати, исправно посещали церковь, гуляли, катались... И только одно смущало крестьян: «Зачем это Григорий под руки ходит с чужими бабами? Разве святые-то отцы с барышнями спасались? Ходит с бабами под ручку, так какой же святой?»

А Григорий тогда не оставлял еще своего юродства, и на улицах Покровского можно было наблюдать иногда, действительно, курьезную картину.

Натянет Григорий худые крашеные пимы, холщевые портки да белую рубаху, наденет на голову челдонскую шапку и в таком виде, ведомый под руки двумя столичными расфранченными дамами, действительно бросается в глаза.

Дамы — его постоянная свита — называли его «святой отец» и производили на деревенских жителей немалый соблазн.

Обращался он с ними довольно свободно, особенно с новенькими: брал за руку, поглаживал и потом лез целоваться. При мне раз одна учительница на пароходе бежала от его ласк и долго пряталась от него. А сначала все честь честью было: пили чай, разговаривали, он брал ее за руку, поглаживал, потом изъявил желание целоваться и сказал что-то такое, в чем учительница никак не хотела сознаться.

После покушения на П. А. Столыпина в 1906 г. Григорий был вызван телеграммой в Петербург.

В начале зимы он снова появился в Покровском. После убийства Павлова он снова был экстренно вызван в Петербург. И каждый раз приезжал Григорий с деньгами, с подарками, завел енотовую шубу,

золотые часы, кольца на обеих руках... Вместе с ростом его благосостояния увеличивалось и почтение к нему и уже не только одной «интеллигенции», но и крестьян.

«Гришка-вытул» бесследно исчезал и на сцену выступал хозяйственный, степенный мужичек, что умеет копейку сколотить, загадочный для них Григорий Ефимович Распутин.

[Ш*]

Вместе с начальником почтово-телеграфного отделения Н. В. Корняковым, приятелем Григория Распутина, направились мы к нему в гости.

По чисто вымытой деревянной лестнице, устланной разноцветными половиками, мы поднялись во второй этаж. Маленькая, чистенькая приемная, большой, устланный тоже половиками, зал, в нем превосходный письменный стол, мягкая мебель, дубовый массивный буфет, все новое, блестящее. Под окнами солидные фикусы. Стены оклеены обоями, в углу большие иконы с лампадками, превосходной работы в золоченых рамах портреты Высочайших особ. Масса фотографических снимков, на которых фигурирует сам Григорий Ефимович.

Вот он среди профессоров и студентов Петербургской духовной академии, среди преподавателей духовных учебных заведений, среди игуменов, архимандритов и архиереев, вот он с О. В. Лохтиной, со священником петергофской пересыльной тюрьмы, Медведем, который, кстати сказать, гостил у Григория целое лето. Вот сидит Григорий на стуле, а сзади него почтительно стоят два блестящих придворных генерала, Путятин и Ломан.

И ни как-нибудь снят Григорий Ефимович, а всюду и везде — центральная фигура: серый, невзрачный, с большим носом, грубый сибирский мужик в одной русской рубахе или в синем деревенском кафтане...

А на письменном столе, на самом первом месте, большой портрет о[отца] Иоанна Кронштадтского, за ним великих князей Петра Николаевича, Николая Николаевича, Милицы Николаевны, Анастасии Николаевны, принца Ольденбургского, архиерея Сергия, Антония Волынского и друг. Водятся и книги у Григория Ефимовича, но исключительно духовные; светских книг и газет в его доме не полагается. Любезно, радушно встретил нас хозяин, расцеловался с моим товарищем и все остальное внимание сосредоточил на мне.

* Печатается по: Южная заря. 2 июня 1910 г. № 1207. С. 2.

Самая заурядная физиономия сибирского мужика лет 40–45; худощавое, загрубелое лицо, окаймленное темно-русой бородой клином, большой нос, грубые черты лица, развитые челюсти, глубоко сидящие серо-голубые глаза, очень мутные; цвет лица испитой и не совсем здоровый; русые волосы в скобку, суконная поддевка, лакированные бутылками сапоги.

Без тени какой-либо неловкости и застенчивости Григорий Ефимович прямо и просто обратился ко мне.

— Ну, что, миленький, долго еще страдать то здесь придется?.. (Ему очевидно, уже кто-то раньше отрекомендовал меня). Что делать?.. Много и хороших людей пострадало... Как их различить?.. Но только больше года ты здесь не пробудешь... Всех, кто не грабил, не убивал, через год отпускают, — проговорил хозяин, и при этом говорил то «ты», то «вы».

Все местные обыватели на «ты» между собою.

— Вам лучше, говорю, знать, когда нас отпускают — вы в столице живете.

Григорий сразу оживился и весьма охотно и с увлечением начал рассказывать про свою петербургскую жизнь.

— Ну, что?.. не говорил я вам, — выпалил мой товарищ, — что Григорий Ефимович простяга, сам все расскажет и ничего не скрывает... А ты, Григорий Ефимович, не бойся, расскажи Александру Ивановичу все, очень уж ему хочется знать, как ты из челдонов да так высоко поднялся.

— Ничего я, миленький, не скрываю, — адресовался Распутин ко мне, — а что делаю, все на виду... Тяжело мне здесь... Сплетничают они... А тянет к родине-то, хотя отвык уж я от крестьян... и они не так смотрят на меня... Да и батюшки не ладно делают... А почему? Темные они люди, и батюшки темные, и не могут понять любви... Разве такие люди там, в Петербурге?.. Мои знакомые там все знатные, да богатые и образованные... Раз он сказал тебе что или подумал что о тебе — не изменит...

Распутин с трудом подыскивает слова, лицо его при этом передергается, глаза блуждают и как бы стараются уловить в воздухе ту фразу, которая бы выразила его мысль.

— Я умный, и «братья» мои умные, мало они только путешествовали и людей видели... Взять хоть бы Илью (брата)... одно слово сказать и сейчас бы во священники посвятили, да сам не хочет, боится... Много про нас, миленький, дурного говорят...

— Да, я слышал, — отвечаю.

— Как, миленький, не слышать!.. Не хорошо батюшкам под окнами бегать да подглядывать... Но я не жалуясь на них... И когда в Питере

меня спрашивают про них, я отвечаю, что самые обыкновенные попы... Завидуют они мне, почему не с ними, а со мной, с простым мужиком, имеют дело и знакомство такие знатные люди... За доходами они лезут... вот что, миленький... А ты полюби сначала человека-то, да дело ему сделай, пользу ближнему от всего сердца своего и все тебе будет... «Ищите прежде всего Царствия Божия и правды Его, все остальное приложится вам»... «Правды ищите», — сказал Христос... А погонишься сперва за деньгами, ничего не увидишь... Жадны они у нас... Темные люди... Жалею я их... Триста вер на свете — триста истин... Одна истина — любовь... Она, как весна, все оживляет... Женщины, говорят они... Зачем ты, Григорий, с женщинами постоянно?.. — спрашивают они. А женщина разве не такой же человек?.. Их любить не надо?.. «Не прикасайся!..» — сказал Христос Магдалине по воскресении... На это упирают они... А при жизни разве одни ученики у Него были?.. Разве не было у Него учениц и разве не прикасался Христос к ним?.. Жизнь — в любви... Утешь душу — и успокоится, поверит человек... Нет такого человека, которого бы нельзя было заставить поверить и утешить... Хотя с настоящими неверующими плохо... Трудно их заставить поверить... Будешь говорить с ними, меньше всего упоминай про Бога... О Нем они знают лучше всякого попа, а ты в душу загляни, успокой и, главное, полюби, узнай, отчего страдает человек... Не любишь, не можешь полюбить человека — ничего не выйдет...

Много я спорил по этому предмету с ихним братом: с попами, с игуменами, с архимандритами, архиереями... Они меня буквой, а я их жизнью, сердцем... У каждого человека в душе своя библия... Это — совесть... Ее не изменишь и от нее не увернешься... Спорил раз так-то с Антонием Волынским... и до того я довел его, что он стакан с чаем опрокинул... А чтобы понять душу человека, полюбить его, самому надо много перестрадать. Пил я раньше-то шибко, а потом бросил и всю свою жизнь перевернул... Трудно это было... И когда пил, то много страдал и все думал, — думал, что живу не ладно... И мысль, что по иному нужно жить, никогда меня не покидала... А теперь вот сам утешаю страждущих... Главное, душу у человека надо узнать, чем она страдает, а потом и лечить. Трудно это... ох, как трудно!.. Потруднее, чем дрова в лесу рубить...

А женщина... разве не страдает?.. Не нуждается в утешении?.. Не могут они этого понять, что иначе можно любить женщину, как у вас вот, например, у социалистов...

— А где вы живете теперь? — спрашиваю.

— В Александро-Невской лавре, миленький... — Любят меня там... Не все, положим... Половина за меня, а другая против... И знакомые мои

знатные, ученые... Там я при академии и живу, там и больных, нуждающихся в утешении принимаю... Трудно мне, миленький... До двух часов каждый день у себя принимаю, а потом по больным да по знакомым разъезжаю... Часа три в сутки свободных имею, не больше.

— Какие же больные у вас бывают?..

— Всякие, миленький, всякие... а больше женщины... нервные все... из-за границы даже приезжают...

— Ну, а как же вы узнаете, чем болен человек?..

— А смотря по тому, какой человек... Проникнуть нужно... И пока в душу к нему не заглянешь, что можно сказать?.. А трудно это, ах трудно!.. У всякого свое горе... И труднее всего заставить поверить... Многие вот в святых не верят... А как в них не верить? У Бога ничего даром не пропадает... Взять хотя бы ваш труд — ученье. Учится человек, старается и за то ему свидетельство дают, права получает, образование. Так же и перед Богом-то. За святую жизнь — нетлением Господь награждает... А отсюда вот мощи, монастыри... Да что теперь наши монастыри!..

Распутин безнадежно махнул рукой:

— Если хорош ты мне был в миру, иди в монастырь — там испортят... Не по душе, монастырская жизнь. Насилие там над людьми... Есть и там хорошие люди, вот, например, Никита на Валааме, но не любят их монахи и заставляют жить по-своему. Вот, хоть бы Троице-Сергиева лавра: нужно одеваться, в сермяге неприлично, надо принаравливаться и к уставу, и к публике... А выходит ведь лицемерие... А по-моему все простится: и воровство, и убийство, и блуд, а лицемерие — никогда... Строго нужно следить за душой и без дела любви ее не оставлять...

— А почему же вы, Григорий Ефимович, не занимаетесь делами любви здесь, в деревне?..

— А потому, миленький, что не поймут меня здесь... А там люди нервные, больные, понимают меня и нуждаются во мне...

И он передал о своих отношениях к нескольким высокопоставленным лицам, рассказал о своих связях в так называемых сферах.

— Ну, а Дубровина и Крушевана знаете? — спросил я, между прочим.

— Не люблю я их... Худо они делают... Худо это... кровь... Геннадий, — вот хороший человек. Гермоген вот — тоже.

Помолчали.

— А народ точно бедствует, — сам уже начал Распутин: — был я нынче осенью в Смоленской губ[ернии] у евреев. И беднота же, Господи!.. Одной селедочкой да кусочком хлебца целый день сыты, а я думал, что все они богатые, пока сам не увидел... Отпустят... скоро

вас отпустят, — снова пророческим тоном и совершенно неожиданно проговорил он: — кто не поджигатель да не разбойник, через год отпустят...

— Почему же вы думаете, что через год?

— Время все уладит, миленький, вразумит людей...

— Ну как тут вразумишь? Из-за нужды ведь народ-то волнуется, не по доброй воле...

— А я и не говорю, миленький, что наставлениями вразумишь... Дело вовсе не в наставлениях... А одна сторона уступит и другая — вот и умиротворится народ... Ведь что было-то там после 17 октября... Сколько народу в обморок упало, при Дворе-то!.. Все это ведь Витте наделал... Витте — это мазурик и хитрый человек... Просить надо было честью, а не силою брать, — говорит он дальше... — Знаю я и забастовщиков... хорошие есть люди и самого настоящего добра народу желают, хотят устроить жизнь так, что и лучше не надо, да разве возможно это?..

И снова он перешел на свою петербургскую жизнь, как почитают его там и ценят.

Ходит он там в шелковых рубашках, которые ему дарят. Ест он там без вилки, прямо рукою, и если случится, что капнет на рубашку, шьют новую. Есть у Григория и шляпа, и пальто, и модные ботинки, и одевается он иногда фронт фронт, имея большую охоту походить и по костюму, и по манерам, и по выговору на барина. Плохо ему это удается и доставляет немало хлопот и огорчений. Но, являясь перед некоторыми высокими лицами, Григорий, говорят, носит вериги, холщевую рубашку, портки.

Круг знакомства между высшими духовными лицами у Григория громадный. Показывает он письма от архиереев, ректоров, архимандритов. Между прочим, томский архиерей звал его в гости... И в письмах везде, как я уже говорил, приписки: «помолись за нас, святой отец».

IV

Но вот подали чай. Пригласили нас в столовую. Уселись мы за большой круглый стол. Явилась жена Григория Ефимовича, больная, испитая, но очень бойкая женщина, лет 40. Два раза она ездила уже в Петербург, где ей делали какую-то операцию. Рассказывает, что и во дворце была... Пришла Берладская, симпатичная, с интеллигентным лицом, просто, но со вкусом одетая, маленькая, прихрамывающая на одну ногу, видимо, измученная чем-то женщина, лет 30–35. Явились три, четыре «сестры» в платочках, приветливы, ласковы и с нами,

и между собой. Держатся просто, скромно и непринужденно. Пришел Илья Арапов. Появились на столе самовар, пироги, булочки, конфеты, семечки, орешки («сибирский разговор»), фруктовая вода. Мальчик лет 12-ти и девочка лет 10-ти, дети Распутина, учащиеся в местной школе, вздумали было наклеить какую-то картинку светского содержания на стену. Отец и мать воспротивились. На одном из столов увидел книгу и справился — какая. Оказалась Библия.

— А это вот, — указал Григорий на другую книгу: — житие мое.

Оказалось, что Берладская со слов самого Распутина пишет его «житие», которое предназначено для печати.

Чай был кончен. Все чинно расселись по местам и началось пение. «Братья» и «сестры» под руководством Григория начали: «Спит Сион и дремлет злоба: спит во гробе Царь царей»...

Выходило стройно, гармонично и красиво. Товарищ мой с чувством подтягивал басом. Создавалась таинственно-благоговейная атмосфера, точно в храме. А хор трогательно и с чувством начинал уже новый стих на церковно-монастырский грустный напев: «Не унывай, не унывай, душе моя, уповай ты на Господа».

Тонкие, женские голоса, печально и нежно переливались, им глухо и грустно аккомпанировали басы. Мирное, спокойное настроение создавалось в душе... И становилось жаль чего-то... жаль до бесконечности... И в сердце заползала тихая, непонятная грусть...

Поблагодарив хозяев, простившись с «сестрами», около полуночи мы направились домой.

Все виденное и слышанное произвело на меня крайне сильное и досадно неопределенное настроение: мирное, тихое житие, святость на словах, высоконравственные начала из уст грубого сибирского безграмотного мужика, передовой взгляд на серьезные, спорные вопросы жизни и тут же рядом эти слухи, компрометирующие Григория, его нездоровый цвет лица, мутный взгляд, его юродство — все это создало такой сумбур в моей голове, что разобраться в нем и вывести какое-либо определенное заключение я положительно не мог... Кто такой, этот Григорий?.. Хитрый и ловкий пройдоха-святоша или в действительности верующий и много чувствующий человек?..

Искренно говорил он со мною или лицемерил? И вспомнилось мне, как часто во время разговора менялось лицо Распутина. То делалось оно унылым и мрачно-серым, и тогда оно было неприятно, то оно вдруг просветлеет, оживится, и тогда речь его проникает прямо в душу...

— Ну, что?.. Ведь правду я говорил: хороший он человек? — спрашивает товарищ.

Я промолчал... Да и что я мог ответить?..

Разве одно — на человека неискушенного, а в особенности с приподнятыми нервами Григорий Распутин может произвести даже чарующее впечатление... Для меня же он явился теперь большею загадкой, чем раньше.

На другой день он уехал в Петербург. Провожали его — жена, дети, «сестры» и «братья».

Великим постом в конце марта 1907 г. в одно из воскресений был созван в с. Покровском волостной сход и на нем прочитана бумага, что по указу Его Императорского Величества Григорию Ефимовичу Распутину разрешено переменить фамилию и впредь называться «Новым».

V*

Приезжал потом Григорий Новый (Распутин) на Пасху и привез 5 тысяч на новую церковь в с. Покровском.

Собрали сход и предложили приходу принять на себя какую-либо долю участия в расходах по постройке нового храма. Сход наотрез отказался и денег не принял. «Знаем мы эти 5 тысяч... Только согласие-то дай, а уж там не отвертись... Хочешь строить — строй... Вот тебе место и... больше ничего»... — решили старики.

Очень это огорчило Распутина. Злые языки уверяли, что он жертвоование свое привез с задней мыслью подкупить этим расположение к себе тобольского епископа, который относился к нему весьма недоброжелательно и, несмотря на неоднократные и настойчивые попытки и содействие друзей своих, ни разу не был допущен к приему преосвященного.

Несколько раз ездил Григорий в Тобольск с целью представиться архиерею и каждый раз безуспешно. Дело в том, что, как мне удалось слышать от одного священника, тобольский епископ подозревает в нем сектанта. По сведениям, имеющимся у епископа, учение этой «новой секты» заключается приблизительно в следующем: церковь утратила ту чистоту, какую она имела во времена апостольские; священство не на высоте своего призвания; многие представители духовенства недостойны, чтобы благодать Святого Духа пребывала на них, а потому

* Печатается по: Южная заря. 4 июня 1910 г. № 1209. С. 2.

часть благодати, отпущенной на них, остается свободною; эта «свободная» благодать и может снизойти на достойнейшего из непосвященных в духовный сан.

Посредством истовой и продолжительной молитвы «наставник» приходит в религиозный экстаз и начинает проричать, исцелять, давать советы.

Но хотя церковь и потеряла свою чистоту и спастись через нее нельзя, но, принимая во внимание, что полный разрыв с нею и открытое исповедание новой веры может навлечь много неприятностей, положено внешним образом исполнять все православные обряды.

Григорий, его «братья» и «сестры», а также гости аккуратно посещают церковные службы, говеют, посещают священников, проявляют к ним наружное почтение и т.д. При этом все они не выносят ничего «светского».

Раз Григорий с г[оспо]жой Ло<х>тиной, Берладской, какой-то курсисткой из Петербурга, сестрой милосердия и другими пришли в гости к местному богатому торговцу В. Ф. Свистунову.

Хозяин, веселый человек, завел граммофон и оттуда раздалось разухабистое: «Ах вы, сени мои, сени»... Все гости мгновенно исчезли.

Но, несмотря на все внешнее приличие Григория Распутина и его последователей, темные слухи все росли и росли. Многие уверяли, что видели Григория, как он целовался и творил грех с «сестрами» в лесу, другие говорили, что по ночам у них происходят радения, что Григорий ходит с сестрами в баню, где поочередно заставляет их мыть себя, что будто бы жена его ревнует Григория к сестрам и раз даже бегала за г-жой Б. с топором по двору.

На почве такой репутации, как для Григория, так и для его гостей, создавались неприятные инциденты. Однажды шел Григорий по селу с дамами. Попадаетея им навстречу подвыпивший и бойкий мужичек Водяной. Увидав компанию, он обратился к Распутину с самым циничным замечанием.

Сразу же бросился Григорий на почту и дал телеграмму в Петербург. «Через три дня гнить будешь!..» — сказал ему Григорий. Чем кончилась история — не знаю, но Водяной остался цел и невредим.

Жена местного фельдшера Т. В. Ермакова, акушерка, передавала, между прочим, что в 1906 г. летом пришел к ней Григорий и приветствовал: «Бог благодати послал»...

Через несколько дней приезжает к Григорию какая-то богатая дама, нуждающаяся в акушерской помощи, но Ермакова как раз была в отлучке и до сих пор жалеет, что счастье, о котором ей пророчествовал Распутин, из рук уплыло.

Вообще, сфера деятельности Григория среди дам значительна. Они, что называются, льнут к нему. Без дам он никогда и нигде не бывает. Они сопровождают его в дороге, и дома он окружен ими.

Когда его спрашивают, почему он в качестве работниц держит «сестер», а не работников, он вполне резонно отвечает, что женская прислуга и выгоднее, и надежнее.

Что находят в нем интересного женщины вполне интеллигентные, непонятно... А между тем относятся они к Распутину с благоговением. Однажды одна из них спросила у местной учительницы Никоновой: «Почему она так редко бывает у Григория Ефимовича?» Та ответила, что и Григорий Ефимович не часто посещает ее...

— Ах, что вы?.. Разве можно считаться с ним?.. У нас в Петербурге за великую честь считают представиться ему, а здесь он так просто и доступно держит себя.

Внимание, которым окружают «сестры» Григория, замечательно: они предупреждают его малейшее желание... Чем он пленяет их — изумительно!

Раз мелькнула было у меня надежда выяснить истинную природу Григория. Летом 1907 г. проходил этапом каторжанин Григорий Зайцев, политический. Родом он из Петербурга, 20 июля в почтово-телеграфном отделении с. Покровского был получен денежный перевод на имя Зайцева из Тобольска от г[оспо]жи К. и письмо, что адресат будет на днях в Покровском.

Г-жа К., по словам Зайцева, высоконравственная личность и вместе со своими дочерьми занимается благотворительностью в тобольских тюрьмах. По своим политическим воззрениям она стоит вне партий; ее единственная цель — благотворительность.

Познакомился он с нею и ее дочерьми в тюрьме, где они устраивают чтения, помогают заключенным советами, вещами и деньгами. Между прочим, Зайцев показывал целую пачку писем от дочерей Казаковой. Все эти письма начинаются: «Возлюбленный и дорогой во Христе брат».

Дальнейшее содержание обрисовывает в авторах людей с возвышенной и сильно экзальтированной душой.

Я рассказал Зайцеву о нашем «святом». Оказывается, он тоже слышал о нем, а с Берладской Хионией, которая гостит у Григория, знаком даже. По словам Зайцева, «секта», к которой принадлежит и г[оспо]жа К. и Григорий, ставит своей целью нравственное совершенствование.

Между «братьями» и «сестрами», по его мнению, существуют чисто братские отношения.

В тот же день Зайцев имел свидание с Григорием и Берладской. Тем же летом приезжала г[оспо]жа К. к Григорию Новому с своими

дочерьми, но скоро уехала обратно, так как ей что-то не понравилось в Распутине.

Все это, — и отзывы Зайцева, и визит г-жи К., — вконец спутали меня, и личность Григория Распутина казалась мне еще более загадочной, необъяснимой.

Между тем местное духовенство усиленно следило за Распутиным и его учениками. Настоятель Покровской церкви о. Остроумов потребовал от Григория, чтобы тот не являлся на клирос в своем золотом кресте. Григорий повиновался. Тем же настоятелем было предложено Илье Арапову либо отказаться от Григория, либо от церкви. Илья пообещал прервать связь с Григорием, но обещания своего не исполнил.

VI

К 1 января 1908 г. Григорий снова появился в с. Покровском с целой свитой: г[оспожа] Л., г[оспо]жа Б. с мальчиком, какая-то купеческая дочка, курсистка, сестра милосердия.

«На Григория» у Распутина был устроен праздник. Пригласил Григорий всех местных именитых людей и батюшек. «Не откажите удостоить посещением своим убогую келию мою. Смиранный раб Григорий», — писал, между прочим, Григорий священникам в своих пригласительных записках.

Получил в тот день Григорий поздравительные телеграммы от многих своих высоких покровителей.

Но в ту же ночь и большая неприятность случилась с Распутиным и его гостями. Ночью произведен был у него допрос и обыск. Тюменский миссионер Глуховцев в сопровождении настоятеля Покровской церкви Петра Остроумова и другого священника Федора Чемагина обыскали весь дом, баню, амбары, подполье и все закоулки, ища кадку, вокруг которой происходили будто бы радения. Ничего найдено не было. Все гости были подробно расспрошены: имя, отчество, фамилия, местожительство, зачем приехали. На последний вопрос был единогласный ответ: в гости.

Самому Распутину был предложен довольно щекотливый вопрос: правда ли, что он ходит в баню с «сестрами?»

Григорий отвечал отрицательно.

Тогда свящ[енник] Федор Чемагин сказал: «Зачем же ты врешь, Григорий, я сам видел это: помнишь летом, когда я пришел к тебе однажды, ты возвратился из бани с веником, а вслед за тобою из бани же гости твои, дамы».

— Так что ж? — отвечал Григорий. — Я только в предбаннике лежал.

— А правда ли, — спрашивает миссионер, — свидетельница профрня Авдотья К. показывает, что года три тому назад, когда она возвращалась с богомолья, ты зазвал ее к себе, начал целовать, а потом сделал ей гнусное предложение и даже посягнул на оное действием?

Когда же она стала оказывать сопротивление и называть тебя бесстыдником, ты сказал ей: «Никакого греха со мной нет», и потом еще о благодати начал говорить?

Григорий отвечал отрицательно.

(Подробности обыска и допроса передаю со слов священ. Петра Остроумова.)

Сделав обыск и допрос, Глуховцев извинился и, уезжая, приглашал Григория с гостями на чашку чая.

На другой день я был у Григория.

Как сам он, так и гости, были страшно возмущены обыском.

— И какое зло они могут мне сделать? — говорил Григорий. — Если посадят меня в тюрьму или иное какое зло причинят, это послужит только к моему возвеличению.

На чай к миссионеру решили, однако, заехать. Григорий был по-прежнему ровен и внимателен ко мне, но я скоро ушел: собрались местные полуинтеллигентные дамы, монашенки с разным товаром, Берладская открыла книгу и начала писать «житие»...

Кто и что Григорий?.. — по-прежнему оставалось загадкой.

Только впечатление изменилось: насколько интересен он мне раньше казался, настолько же скучен, монотонен и сер теперь, при втором визите.

«Иоанниты!.. Черные вороны!» — мелькало у меня в голове, но... неужели может быть так искусно лицемерие?.. И в ком же? Грубый, безграмотный челдон... А, может быть, он только слепая игрушка в более ловких, умелых руках? Все может быть...

В последний раз я посетил Григория Нового в конце апреля 1908 г., услышав, что на Пасху он явился домой.

Распутин чувствовал себя не совсем здоровым. Принял, однако, он меня довольно приветливо, хотя и не с таким радушием, как раньше. Причина этому скоро выяснилась.

— Как ваши дела с епископом (тобольским)? — спрашиваю.

Григорий только рукою махнул: «Не принимает и не надо... кланяться не будем... пусть он верит разным рассказам»...

— Ну, а как ваше «житие»? — продолжаю.

— Отложено, — говорит. — Вы тоже вот про меня напечатать собираетесь? Мне о[тец] Федор (местный священник) говорил: смотри, выведает он все у тебя да и отпечатает, затем, говорит, и бывает у тебя...

— А вы что же... боитесь?..

— Н-нет, — замялся Григорий, — чего мне бояться?.. Худого я ничего не сделал...

— По-моему, — говорю, — тоже: печати боятся одни плуты да мерзавцы... Так вы не будете в претензии, коли я, действительно, про вас напечатаю?..

— Нет, нет, — отвечал Распутин.

А сам волновался и нервно ходил по комнате.

Так и расстались мы с Григорием Ефимовичем.

В конце апреля он снова уехал в Питер, а я опять остался с своей загадкой: кто он и что он?..

Чем и кому может быть полезен этот грубый челдон? Какую роль играет он в тех сферах, где принят и вращается как свой человек? Где и как он находит приложение своей «любви»?

У него громадный круг знакомых всюду и везде: и в столицах, и в Одессе, и в Екатеринославе.

По 20–30 депеш отправляет он перед праздниками и чуть ли не больше получает. Получает письма, посылки...

Несколько раз в году характерная фигура его появляется на тюменском вокзале, садится в первый класс и мчится в Петербург таинственная, загадочная... Загадочная и оригинальная настолько, что даже собственная жена его уверовала в него и в случае нездоровья телеграфирует отсутствующему супругу: «Помолись за меня, святой отец!».

Года полтора прошло с тех пор, как в последний раз я видел Григория Ефимовича. Волна событий высоко вынесла его на мутную поверхность русской жизни, о Григории Распутине-Новом говорит теперь вся печать, все слои русской читающей публики от верху до низу. И, знакомясь с делаемыми разоблачениями и припоминая все, что он лично рассказывал, мне сдается, что Распутин — лишь ловкое орудие в чьих-то сильных руках, которое направлялось на преследование известных целей, на влияние на тех, от кого зависят судьбы русского народа.

